

Victoria Shmidt
В походе за подлинностью:
комментарии С. Солоуха
к Похождениям бравого солдата Швейка

Сергей Солоух. Комментарии к русскому переводу романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».
Изд. «Время», 832 с., Москва, 2014.

В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как дома, в эпоху бездомности — как в диком поле, где и колышка для палатки не найти.

Мартин Бубер

Иметь в интеллектуальном анамнезе советский background считается весьма болезненным барьером в способности оставаться собой среди других. Поэтому быть читателем с солидным прошлым из разношерстных стопок книжек, по-разному попавших в семейную библиотеку — весьма востребованный вариант ответа на вопрос «Кто я» — не в амбициозном гегелевском варианте «Кто я миру», а простодушно-раздевающим «Чей я», столь свойственным философии диалога. Требуется завидная отвага — и чтобы задавать такой вопрос, и отвечать на него. Потому что никакого окончательного ответа ждать не приходится — единственном возможном путем остается беседа, неспешная, требующая рефлексии и великодушия. Такой разговор писатель Сергей Солоух заводит с самых неожиданных сторон — в том числе, искушая пересматривать отношение к популярным

текстам с вроде бы незыблемым местом в нашей коллективной памяти.

Он разрушает читательские символические интеракции с текстом — но исключительно в пользу сопричастности авторскому замыслу. «А что если бы историю Чука и Гека Гайдар рассказал, не оглядываясь на советскую цензуру; Набоков писал Лолиту лет так на 15—20 позже, когда моральный императив прогрессивного Запада так поменялся; а преданные соцреализму графоманы поддались соблазну повествовать языком воров и подворотен?», — такой квест предлагается Солоухом в самой известной из его художественных книг, «Игра в ящик» (2011). Умеренные и осторожные заигрывания с клонированием зрительского восприятия во всяческих современных экранизациях Конан Дойла, Шекспира или Толстого ни в какое сравнение не идут с устроенным писателем анти-карнавалом разоблачений наших иллюзий — будь то любовь к рафинированному стилю («а если Гумберт станет госпожой Гумбертовой, а Лолита — Леликом?»), ностальгия по советскому пионерскому рыцарству, которое в два шага превращается в бессильную, но беспощадную масонскую ложу, или уверенность в непринятии антисемитизма («так давайте его упакуем в милую сердцу порнушку а-ля рюс»). Похоже, писатель не обходит стороной ни один закоулок того полуспрятанного мира советских читателей, тешившихся иллюзией свободы — хотя бы читать, что хотелось. И можно было бы сомневаться в гуманистичности намерений автора, если бы с той же дотошностью погружения в не-свой текст Солоух не восстановил для русскоязычных читателей подлинность Похождения бравого солдата Швейка.

Книга Ярослава Гашека в переводе Петра Богатырева — неотъемлемый атрибут в библиотеке нескольких поколений советских людей. Мои родители читали книжку как антидот против авторитарного давления — правда, завидная способность Швейка дистанцироваться от властного произвола оставалась средством Макрополуса непонятого происхождения. Мои впечатления от проделок Швейка вписались в тот же ряд неотразимых авантюристов, что и Барри Линдон или Моль Флендерс. Так или эдак, личная свобода толстенького чеха, знатока радо-

стей жизни, лишённого как амбиций, так и представлений о морали, завораживала. Чтение Гашека в оригинале и в среде его соотечественников убедило, что Швейк — единственно возможный для чеха архетип. Однако сами чехи весьма сдержанно относятся к столь популярному за пределами их страны творению Гашека, его многочисленным экранизациям и переводам. Комментарии Сергея Солоуха переформатируют читательское сознание между этими двумя устойчивыми мнениями о Швейке, (пост)советским, внеконтекстным, возможно, потому некритично-восторженным, и чешским, навсегда смущённым перед гашековским текстом из-за амбивалентной позиции как самого писателя («исторического флегматика» — проще говоря, автора без идеологической принадлежности), так и персонажей романа, которые прописаны автором в пограничной зоне между добром и злом.

Уникальная и по нашим временам способность Гашека рассказать захватывающую историю без жестких границ между положительными и отрицательными героями во многом была обеспечена языком, которым приводятся в движения персонажи романа. Возможно, это главное, чего лишился перевод Богатырева, и то, что было в значительной мере восстановлено в комментариях С. Солоуха. Сохранившейся до сегодня чешский язык повседневной устной коммуникации, полный мутировавших немецких словечек и оборотов, без околичностей указывает на двойственность если не множественность чешской культуры, невозможность оторвать ее от имперского контекста — при всем неоднозначном отношении самих чехов к этим своим корням. Дериваты немецкого в изобилии присутствуют в командах, которые отдаются солдатам — тогда как в переводе Богатырева даже нет намека на трансформацию имперского языка в смешно звучащие приказы, которые никак не получится отдавать исполненным достоинства и исполнять с чувством долга. И если формальная позиция Швейка — денщик, обозначается в романе самыми разными неформальными дефинициями, от нейтрального *burš* до уничижительного *fajfka*, то и начальствующие офицеры обозначаются не менее издевательскими: от самых низших

чинов, например, капрала Шрейтера, который служит за sup, суп, и получает прозвище supák (316) до генералов-старперов.

Отличительной чертой Гашека был язык фактов — его тексты привязаны не только к месту и времени, но конкретным людям и событиям. Писательство как включенное наблюдение стало игрой, которая доставляла Гашеку столько же радости, сколько и его окружению: он читал газеты с конца — объявлений, которые влетал в тексты со сноровкой репортера; с фотографической точностью воспроизводил местности и траектории передвижения своих героев; давал своим персонажам имена, предложенные его собутыльниками — приобщая их к бессмертию за совсем небольшую плату, шесть геллеров за имя. Текст не реконструировал реальность, он становился источником сверхнасыщенной реальности. Значительная часть комментариев Сергея Солоуха в первую очередь обращает внимание читателя на эти контексты гашековского текста. Перевод Богатырева остается стерильным от эпохи, тогда как Солоух откомментировал практически каждое из упомянутых имен собственных. С каждым уточненным адресом, именем хозяина пивной или борделя, названием газеты или журнала, маршрутом трамвая читатель вживается в столь детализированную топологию романа. Именно за эту черту Гашека его сверстники-литераторы считали тем настоящим писателем, а себя скромно причисляли только к тем, кто в литературу играет.

Книге возвращается вкус: «комментарий к стр. 235: *он с радостью предложил гостю сигару, послал за пивом, за сардельками* — в оригинале сорт сарделек определен однозначно, итальянки (talíány). Наполняются смесью телятины и свинины, с разнообразными травами...» (539); цвет: «*У нас скоро будут резать свиных, - меланхолично сказал Балоун. — Ты какую свиную колбасу любишь с кровью или без? В оригинале: не колбаса, а špekbuřt, он же — presbuřt или tlačěnka. Это зельц. Холодец в оболочке. Зельц с кровью, красный, получается добавлением крови*» (367); запах — будь еды или ауры нужника вокруг самого Швейка, пусть и не вполне приятной для обоняния.

Среди чехов, искушенных читателей, бытует мнение, что Гашек не оставил роман недописанным — он обнулil имперское

прошлое, и финальная точка стала точкой отсчета, после которой новому только предстояло появиться (Josef Musil, *Našková zralost a dobrý voják Švejk Téma* 2004, №6). Будучи антиподом Карлу Чапеку и другим идеологически последовательным провидцам нового чехословацкого государства, Гашек мог писать, а главное, хотел рассказывать о том, что он наблюдал. И только для тех, кто по собственному желанию отказался от свободы думать в пользу великой идеи независимого государства, происходившее в 1910—1920 гг. могло казаться безусловным благом. Своим Швейком Гашек поведал о неизбежной расплате за наступающий период мнимой стабильности национального государства. Прожив роман заново, Сергей Солоух имеет все основания на свою интерпретацию текста как романа-перевоспитания — в самом ироничном смысле, подчинении рационального начала, выпестованного империей поручика Лукаша, скотской среде повседневной жизни, олицетворением которой и есть Йозеф Швейк (Сергей Солоух В звоне каждого дня как я счастлив, что нет мне покоя, *Toronto Slavic Quarterly*, № 33 Summer 2010).

Книга — быстро заканчивающееся волшебство («Нелепый томик съежился, вздрогнул в руке и умер» у Бориса Катца, протагониста *Игры в ящик*), текст — матрица, которая разоблачает и предает, и только язык оставляет шанс на осмысление. Сергей Солоух занимается тем, что отделяет текст от книги и освобождает язык из текста. Удастся ли ему — вопрос исключительно читательской интерпретации. Но ничего более подходящего, чем текст Гашека нельзя было выбрать, чтобы ультимативно утвердить новые траектории читательской аффилиации — в эпоху бездомности, когда, по Мартину Буберу, мысль «приобретает особую глубину, а вместе с ней и самостоятельность».